

Твои
ДНК
Не родные

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ульяна Соболева

Ульяна Соболева
Твои не родные

«Ульяна Соболева»

2018

Соболева У.

Твои не родные / У. Соболева — «Ульяна Соболева», 2018

Когда-то мой бывший муж выгнал меня на улицу с младенцем на руках и бросил на произвол судьбы. Я научилась справляться сама, а он вдруг появился в моей жизни снова и лишил средств к существованию, вынудив согласиться на любые унижительные условия ради дочери, которую так и не признал своей. В оформлении обложки использована фотография автора andre2013 (Volha Kliukina), ресурс depositphotos. Лицензия # 117898936
Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ульяна Соболева

Твои не родные

Глава 1

– Анечка, мне очень жаль.

– Но как же так, Валер? Мы... мы ведь неделю назад с тобой говорили, и ты заверил меня, что это только слухи! Что никто и ничего не выкупит. Что мэр города не даст разрешение на строительство, потому что здесь столько людей работает.

Я с трудом сдерживала слезы, но они предательски жгли глаза и драли в горле. За стенами кабинета Валеры орудовали какие-то люди и выворачивали шкафчики и ящики столов. В здании уже началась генеральная уборка, а бывшие работники еще отходили от шока после стремительного увольнения. А кто-то еще не отошел. Как я. У меня внутри все заходило от мысли, что я теперь безработная. Валера стоял возле стола и складывал в картонную коробку свои вещи. Кажется, он даже похудел за эти дни, и его чуб уныло свисал на одну сторону лица. Видно, тоже сильно нервничал. Периодически заглядывала его секретарша Ляля и спрашивала, что отвечать тому или другому из уволенных работников. Он отмахивался от нее и постоянно отключал звонки в своем мобильном.

– Неделю назад Аркадий Александрович рассчитывал, что ему удастся погасить кредиты. Ты знаешь, что такое рейдерский захват, Ань? Нас просто поставили перед фактом, ему ничего не оставалось, как уступить. Надавили сверху на мэра. Притом торговый центр – это всегда престижно для города. Тем более, когда за землю дают намного больше, чем она стоит.

Я знала, что он прав и не лжет мне, но только легче мне от этого не становилось, у меня сердце сжималось в камень, что я осталась без работы и уже нигде не найду такое место с нормальной зарплатой, чтоб хватало и за квартиру заплатить, и ребенка прокормить. У нас в городе с этим очень туго.

– А... а мне что делать? Мне ребенка как содержать? Она же... она же особенная у меня. А за квартиру платить? И за садик?

– Ну выплатят пособие, Ань. Вроде обещали.

– Какое? Копейки за три года работы? И когда? Вы же объявили себя банкротами. Почему сам Силантьев не принимает у себя людей? Струсил, да?

– Силантьев в больнице в предынфарктном состоянии. Его это подкосило. Аня, всем трудно. Никто не кайфует от этой ситуации. Мне, правда, очень жаль. Но на данный момент я ничего не могу сделать.

У меня началась паника, и я в растерянности металась по кабинету начальника отдела кадров и по совместительству моего бывшего одноклассника, который меня сюда и устроил три года назад. Им требовался экономист. Меня взяли с моим неоконченным высшим, благодаря Валере. А теперь куда мне идти с комбината? Конечно, ему жаль, как бы не так, ведь он уезжает в столицу – его Силантьев с собой забирает. А около ста человек просто изгнаны на улицу, вот так без предупреждения, без выплат. Только в нашей стране такое может быть, только у нас вот так можно с людьми, как и с животными. И все безнаказанно.

– Я-то что могу сделать, Ань? Это ж не я тебя увольняю. Если бы я мог помочь тебе. В столице сам не знаю, как все будет. Компанию выкупили, и мы ничего не можем изменить. Нам поступил приказ нового хозяина всех уволить. Найдешь работу, Ань. Не конец же света.

Для меня это был конец света, для меня это был апокалипсис. Мне за квартиру на днях платить, я рассчитывала аванс попросить.

– Куда? Уборщицей? Официанткой? Тут рабочих мест раз и обчелся. Ты сам знаешь. Да и куда мне, из-за малой я не могу на ночные. Черт. Не слушай меня. Мысли вслух. Я просто в шоке.

Я села на стул и лицо руками закрыла. Надо успокоиться, взять себя в руки и подумать.

– Ань, ну хочешь я денег дам? Сколько есть.

– Не надо. Тебе самому семью содержать. Ты и так устроил меня сюда. Спасибо тебе. Прости, я знаю, что ты не виноват... просто я в отчаянии.

Слезы смахнула тыльной стороной ладони. Мне Машу нужно было в соседний город везти к специалисту, и в садике тоже оплату подняли. Даже не постеснялись сказать, что, если что-то не устраивает, я могу и в государственный идти, а нас... нас в государственный не берут. С нашей проблемой. Я и так все деньги на квартиру эту и на сад.

– Посиди здесь, Ань. Я воды принесу. Ты не расстраивайся так. Говорят, строительство быстро закончится, и здесь столько рабочих мест добавится, что в городе прирост населения начнется.

«А сейчас? Что мне сейчас делать?»

Он вышел из кабинета, а я подняла взгляд на телевизор на стене, где работал городской канал, и сейчас передавали новости. Как раз показывали наш комбинат, а потом объемный «три д» проект торгового центра и спортивного комплекса, который собирались построить на этом и прилегающих участках. Чтоб он сгорел, их проект, и тот, кто все это затеял, вместе с ним.

– По проекту планируется так же снос пятиэтажек старого образца по улице Коминтерновский и Метрозаводской. С жильцами уже ведутся беседы о купле квартир по хорошей цене. Тем более Егор Александрович Шумаков лично обещал, что уже осенью будет предоставлен проект новостроек... и наш город выйдет на новый уровень.

Я медленно подняла голову и почувствовала, как слезы стеклом застыли в глазах. Я ушам свои не верила, только сердце моментально отреагировало на имя и фамилию. Так болезненно отреагировало, что я широко открытым ртом воздух глотнула, а закрыть уже не могла. Меня словно два раза сильно ударило, сначала в солнечное сплетение, а потом прямо в сердце. Я воздух хватаю, а выдохнуть не могу. И болью все тело скручивает... почему? Почему именно сейчас и именно он? Я не готова. Я не ожидала. Это слишком жестоко.

Смотрю на высокого мужчину в светлом костюме с глазами стального цвета именно того холодного оттенка, который бывает у лезвия ножа. Когда я последний раз в них смотрела, они резали меня намного больнее, резали так, что у меня до сих пор все шрамы рваные и кровоточат.

Взгляд цепкий, как у хищной птицы, и это лицо с широкими скулами и неровным, несколько раз сломанным носом. Такое родное когда-то и совершенно чужое сейчас, с появившимся налетом цинизма и ледяного холода. Им так и веет от его пристального, тяжелого взгляда. Замораживает развороченные и незажившие раны, жжет их азотом. Так смотрят те, для кого люди всего лишь мусор под ногами. И я не верю, что его волновали блага города. Только деньги, как и всю его семейку. Ведь все можно продать и купить. Человека можно стереть, словно и не было его никогда. Как будто он умер, и похоронить живьем, утрамбовать могилу чистыми, сверкающими ботинками и наплевать на то, что там под землей кто-то в отчаянии бьется, кричит и умоляет дать сказать... хотя бы одно слово. Но палач на то и палач, чтобы безжалостно приводить приговор в исполнение. Мой палач был ко мне безжалостен и особо жесток.

А когда-то мне его глаза казались до безумия красивыми. Я посмотрела в них первый раз, и из моей памяти исчезли все другие, которые видела до него. Любила так, как любят только первый раз – взахлеб, до безумия, до исступления

Я все еще видела его по ночам... и просыпалась в слезах, проклиная предателя. Потому что время не лечит. Нет у предательства сроков давности, как и у боли его нет. Она бессмертная и беспощадная в своей непредсказуемости. Когда вдруг набрасывается диким, голодным зверем и треплет добычу, пока кости не начинают хрустеть и слезы не кажутся кровавыми. Если бы не моя девочка, я бы задохнулась под теми комьями грязи, что он обрушил на меня, я бы не выдержала. Но она не дала сломаться, выбора мне не оставила.

Первый год я коляску ночью катала туда-сюда в своей однушке и выла, кусала подушку, чтобы дочку не разбудить... я тогда еще не знала, что ее просто так не разбудишь. У меня денег на кровать не было. Потом, когда на работу Валера устроил, одна из девчонок из бухгалтерии мне свою отдала.

Со временем я научилась справляться. Даже умудрялась на двух работах работать. Разносила газеты с Машей в перевязи и мыла офисы тоже с ней вместе по вечерам. Если б еще мамочка моя жива была, но к тому моменту прошел почти год с ее смерти. Нет возраста для сиротства. Оказывается, себя чувствуешь сиротой и в девятнадцать, и потом в двадцать пять, и до конца жизни, наверное. Когда не к кому прийти и голову на груди спрятать, или склонить на колени, чтоб просто рыдать навзрыд, орать от переполняющего безумия. А тебя просто по голове гладили и тихо шептали:

«Ничего, доченька, все хорошо будет, вот увидишь. Ты справишься, ты же у меня сильная. Видишь, у тебя теперь у самой дочка есть».

Я ее голос у себя в голове слышала, когда раскачивалась с малышкой из стороны в сторону, не видя ничего перед собой из-за слез. Выла и думала, как он там живет... без меня с девками своими, с сукой этой мамочкой его, которая меня возненавидела с первого же дня, как он привел меня к себе домой.

Живет и не вспоминает о нас... И лучше бы не вспоминал. Только я в совпадения никогда не верила. Спустя пять лет этот человек вдруг появляется в моем городе и покупает тот комбинат, на котором я работаю, и оформляет под снос тот дом, в котором я живу. И я с ужасом понимаю, что приватизировать я квартиру так не успела, у меня после маминой смерти не хватило нужных документов и денег. Полина Алексеевна из ЖЭКа обещала помочь, но она на днях в Германию с сыном уехала и даже не позвонила мне. Сколько времени пройдет, прежде чем нас выставят на улицу. В нашем захолустье никто не претендовал на квартиру, все люди уезжали в соседний очень крупный город, поэтому я не тряслась за свои четыре угла... пока сейчас вдруг не поняла, что я останусь на улице. Никто мне уже не даст приватизировать жилье, если дом собралось сносить.

Домой я ехала как в каком-то тумане, меня даже слегка пошатывало, и перед глазами лицо его мужественное с грубым подбородком, гладко выбритые широкие скулы и спрятанная в чувственных губах ухмылка. От ненависти заболели кости и сводило скулы. Мне хотелось найти где-то пистолет и застрелить его, или заколоть ножом. Приехать в ту студию или под здание мэрии и убить его. Я ведь специально годами себе не позволяла думать о нем, слышать и видеть. Знала, что не отпустило, знала, что стоит голос услышать, и боль обязательно вернется.

На экране за него говорила какая-то его шестерка, а он пару раз посмотрел на дорогие часы и затем снова в камеру своим коронным взглядом, не моргая прямо в душу. И я этот взгляд на повторе вижу снова и снова, как и голос репортера, которая задавала ему вопросы и кокетливо улыбалась. Вспомнила, как он в очередной раз вскинул руку и на безымянном пальце блеснуло кольцо, а меня как бритвой по сердцу, несколько раз и инстинктивно тронуть свой безымянный... когда-то там тоже было колечко. Подаренное моим бывшим мужем Егором Шумаковым. Он содрал его с моего пальца и вышвырнул в окно... спустя несколько месяцев я ползала под теми окнами, чтобы найти и продать, у меня еще не было работы, пропало молоко, я тогда думала, что Маша ослабла от голода и поэтому не кричит, а соседи стучали мне в стены.

Приехала домой, поднялась на пятый этаж, отыскивая ключи в сумочке, но дверь оказалась приоткрытой. Я зашла и остановилась на пороге – по квартире рыскали какие-то люди. Мужчина и женщина. Он осматривался по сторонам, а она что-то писала в толстую тетрадь. Соседка, которая с Машей оставалась, тут же бросилась ко мне.

– Это из управления. Уже занялись выселениями вплотную. Твари.

А меня от злости тряссти начинает, я бросилась к ним и закричала:

– Вон пошли отсюда! Вооон! Это моя квартира! Не смейте сюда заходить! Мояаяя!

– Вы чего разорались тут?! Квартира не ваша, у нас все документы имеются.

– Вон! Вон отсюда! Убирайтесь. Ничего вашего здесь нет! Ничего нет!

Я толкнула его в грудь, и худой мужичек с оспинами на щеках попятился назад.

– Пойдемте, Нина Андреевна. Чокнутая какая-то. С полицией в следующий раз придем.

Когда за ними захлопнулась дверь, я бросилась к шкафу, распахнула его и схватила в охапку Машу, сильно прижала к себе, когда она обвила меня руками и ногами. Она очень боялась чужих. В силу своего недостатка внезапное появление кого-то, кого она не знала, очень сильно ее нервировало.

– Не их это все. Наше. Никто нас отсюда не выгонит.

А у самой слезы по щекам текут, и болью все тело скручивает, потому что знаю – отберут. Вопрос времени – когда. Но в любом случае очень скоро. И я понятия не имею, куда мне идти с ребенком.

– Анечка, ты не расстраивайся так. У нас проживешь сколько надо. Места всем хватит. Мама только об этом и говорит весь день. Они с тетей Людой сколько лет дружили.

Я киваю и Машу глажу там, где пробор между косичками, это ее всегда успокаивает. А кормить они нас тоже на свои деньги будут? А к врачу мне как ехать? Что ж оно так вместе все.

– Ладно. Я пойду маме ужин нагрее. Ты заходи, если что, хорошо?

– Да, Машутку уложу и зайду. Иди-иди. Спасибо тебе.

– Все плохо там, да?

Я опять кивнула и с трудом сдержалась, чтоб не разрыдаться. При Маше не хотелось, она всегда вместе со мной плачет. На кухню ее понесла, сумку поставила, сотовый достала, а там смска от Валеры:

«Я сегодня с Шумаковым разговаривал. Рассказал о твоей ситуации. Позвони ему – вот номер. Он сказал, что найдет для тебя пару минут».

От ярости я швырнула телефон на стол и шумно выдохнула, потом посадила дочь на стул и жестами спросила:

«Хочешь, я кашу манную сварю?»

Улыбается, впереди одного зуба нет, волосы из косичек выбились, и я не могу не улыбнуться в ответ.

«А сгущенка есть?»

«Есть»

«Тогда давай свою манную кашу и сгущенку с печеньем»

Глава 2

Я не могла рассказывать ей сказки, но я могла прикасаться к ней и бесконечно долго прятать за ушко пряди ее волос, пока она не уснет. Моя мама делала точно так же, когда я была маленькая. Придвигала стул к моей кровати и по волосинке перебирала мои волосы у уха, пока я не усну.

* * *

Это не значит, что Маша не знает сказок. Она совершенно нормальная и умненькая девочка. Она уже знает алфавит, ей пришлось его учить раньше, чем обычным детям, потому что мы с ней вместе учили язык жестов. Я – онлайн, потом показывала ей, и она запоминала. Компьютер первым делом взяла в рассрочку, когда Валера устроил меня на комбинат. В соседний город ездила в спецучреждение для глухонемых. Психолог помогла мне и рассказала, как вести себя с Машей. Я была настолько занята работой и поиском способов выжить, что я очень долго не замечала, что с моим ребенком что-то не так, и что плачет она тише, и что ее не будит перфоратор за стенкой, и что на улице она спит безмятежным сном под гул и шум общественного транспорта. Меня некому было учить, некому рассказывать и подсказывать. Ни друзей, ни мамы, ни родственников. Так вышло. Отца я своего не знала, а мама честно сказала, что забеременела, потому что очень хотела ребенка, а с мужчинами у нее не сложилось. Она сама детдомовская, не привыкла ни готовить, ни убирать, ни мужчин привлекать. Родила меня почти в сорок. Всю жизнь сама то по общежитиям, то в коммуналке. Когда я появилась, ей выдали вот эту вот однушку. У нее была я, у меня она, и нам никто не был нужен. Замуж она так и не вышла, не хотела, чтоб у меня был отчим. Когда мама умерла, я поняла, что никто и никогда меня не будет так любить, как она любила, и мой мир уже не станет прежним. У меня была только Маша, как у моей мамы я.

Я собиралась горы свернуть, но сделать ее счастливой, насколько могла. И поначалу это счастье заключалось в том, чтобы мне было чем ее кормить, во что одеть и куда уложить спать.

Когда ОН выставил меня за дверь, то швырнул мне денег в конверте на дорогу. Я швырнула их ему обратно. Дура. Любой бы сказал, что я дура. Потом в ломбард пошла и заложила сережки, которые мама на выпускной подарила. За эти деньги мы и доехали домой. В нашу с мамой квартиру, где все потом напоминало о ней: каждая вещь, каждый цветок на старых обоях и даже запах въелся в стены.

Ее запах. И от одной мысли, что все это будет разбивать какая-то равнодушная машина, разбивать мои воспоминания, мое детство, сгребать в груды разноцветного мусора, безжалостно давить все, что мне дорого, у меня внутри все начинало саднить и болеть.

Посмотрела на спящую Машу и снова на вышитую мамой картину, на шторы, которые она сама сшила. Бросила взгляд на свой сотовый. Схватила его и стерла смску Валеры. Черта с два я пойду к нему! Время он для меня найдет. Ублюдок! Самоуверенный, богатый, наглый мерзавец и подонок. Жить, видно, не смог, зная, что нам хорошо без него, что мы ни разу у него ничего не попросили, не приехали и встреч с ним не искали... Приперся, чтобы проехаться по мне танком еще раз, чтобы кости мои раздробить окончательно в пыль. Скотина! Ненавижу его! Как же я его ненавижу!

И я лгу... искала. Ездила несколько раз в город, чтоб его увидеть. Да, идиотка, жалкая, достойная презрения. Стояла зимой через дорогу в старом пуховике с низко надвинутым капюшоном и плакала, слезы на морозе замерзали, а он из машины с женой своей будущей тогда вышел. Красивый, как всегда шикарно одетый, улыбается своей белозубой улыбкой и смотрит

на нее... вот этим взглядом, от которого у меня дрожали когда-то колени и скручивало низ живота. Теперь он так же смотрит на кого-то другого, голосом своим шепчет им то, что шептал мне. И тогда хотелось убить их обоих, перебежать через дорогу и долго бить ножом и его, и ее. Отомстить, причинить ему боль, чтоб понял – каково мне с израненным, исколотым сердцем жить дальше. Но дома осталась Маша, моя маленькая девочка, от которой этот подонок отказался, едва я вернулась из роддома, у которой никого кроме меня не было. Я не имела морального права опуститься. А через время поняла, что он не достоин того, чтоб я из-за него села в тюрьму, и слёз моих не достоин. И все равно плакала по нему. Первое время каждый день. Упаду без сил на кровать, качаю коляску и плачу. Ничего из-за слез не вижу.

Маше было чуть больше шести месяцев, когда я заподозрила, что с ней что-то не так. Я тогда убирала в квартире, она игралась в стульчике для кормления, а я мыла окна, неловко стала на подоконник и свалила горшки с цветами, они с грохотом разлетелись по полу, а Маша продолжала играть с кусочками хлеба, макая их вместе с пальчиками в кашу. У меня все внутри похолодело. Я уже нарочно свалила еще один горшок, а она даже голову не подняла, а потом посмотрела на меня и улыбается. Я спустилась, медленно подошла к ней и хлопнула у самого лица в ладоши, а малышка не вздрогнула и не моргнула.

Я рыдала и целовала ее, прижимая к себе, вспоминая все те разы, когда она не реагировала на громкие звуки. Потом было обследование в другом городе и понимание, что мой ребенок не такой, как все, и что мне придется учиться с этим жить. А сейчас я к этому даже привыкла, и мне не казалось чем-то особенным и ненормальным. Я не замечала ее недостаток. Но из государственного садика нас просто выдавили. Психолог написала (не без ведома заведующей), что Маша отстает в развитии, ходит под себя и ведет себя неадекватно. Им, видите ли, не хотелось портить статистику таким ребенком, как Маша, и другие родители на нее как на прокаженную смотрели. Их дети, видите ли, боятся тех звуков, что издает моя немая малышка. Нам сказали, что мы должны идти в спец сад. Конечно, должны, только в нашем городе его нет. А переезжать мне не за что и жить будет тоже не на что. Здесь все же работа и даже подработка по вечерам – репетиторство с соседской девочкой по математике.

Тяжело выдохнув, подошла к зеркалу, посмотрела на свое отражение. Глаза опухли от слез. Как давно я не плакала? С тех пор, как смирилась с тем, что мы с Егором никогда больше не будем вместе, и он не приедет, не извинится и не заберет нас с Машуткой к себе. Да, я верила первое время, что приедет. Узнает, что все ошибка, и будет просить прощения.

Да, я представляла себе сотни раз, как он умоляет меня забыть каждое его слово, забыть пощечины и то, как рычал мне в лицо, тряс проклятыми бумагами, а потом ими же отхлестал по лицу, и то, как выставил из дома. А я... я от шока ничего не могла сказать... потому что никогда его таким не видела.

Но шли дни, а он не ехал... шли месяцы, шли годы. Он просто вычеркнул нас и продолжил жить дальше, не прошло и пары месяцев, как он женился.

Бумаги о разводе мне привезли за неделю до его свадьбы. Деньги решают все. Там даже была не моя подпись. А кому я что-то докажу? У меня денег на колбасу и хлеб нет, а на адвокатов тем более. Государственные – скажет кто-то? Он купит любого. И частного, и государственного, и их родителей вместе с их домашними животными, и бабушками с дедушками.

Мне так и сказал его шестерка, который приезжал за месяц до этого. Тот самый, что когда-то зонтик держал, когда я выходила из машины, лебезил и во всю рассыпался комплиментами. Я его выгнала и расписываться не собиралась, хотя мне предлагали деньги. Я отказалась. Впрочем, кто вообще ожидал моего согласия. Мне всучили документы в руки и посоветовали даже не дергаться. Я и не собиралась.

Я видела его свадьбу с ней... издалека. Мне это было нужно. Я пришла за порцией адской боли, чтобы выдрать его из своего сердца. Это была ампутация без наркоза наживую ржавой пилой. Я смотрела на нее в белом платье, на него в белом костюме и истекала кровью, стоя

на тротуаре напротив Дворца Бракосочетания, откуда он выносил меня когда-то на руках и шептал мне:

«Моя девочка... никогда не разлюблю. Моя. Вся моя. Слышишь? Нютка, ты мояаяя теперь».

Моя... моя... моя... эхом насмешки звучит где-то в проводах над моей головой. Кажется, что на предателя должны обрушиться небеса, но светит солнце, шелкают фотокамеры, и Егор несет на руках другую женщину, она громко смеется, а я... я рыдаю изнутри. У меня траур. Ведь он только что так жестоко убил во мне любовь, только умерла она все равно не в тот день... ее агония была долгой и мучительной. Иногда мне казалось, что эта сука все еще живая и прячется где-то в темноте. Выжидает вместе со своей подружкой болью, чтоб впиться в меня голодными ртами и напомнить, что я от них не избавилась.

Сотовый запиликал снова, и я бросила взгляд на дисплей.

«Ты ему звонила?»

Я ничего ему не ответила, положила сотовый в сумочку и села за стол, закрывая лицо руками. И еще одна смска. Как назло, не дает успокоиться, подумать.

«Светлова, ты меня игнорируешь? Я ради тебя, между прочим, старался. Можешь и дальше молчать. Все. Я умываю руки. Это уже слишком, Аня».

Плевать. Ты все равно уезжаешь утром. Слишком или нет – не тебе судить. Это я одной ногой на улице с ребенком, а не ты.

Я не уснула в эту ночь, так и сидела за столом, налила чаю себе и маме и проговорила с ней до утра. Может, кому-то это покажется странным, а я иначе не могла, я бы сошла с ума, если бы запретила себе это делать. У меня в голове она мне отвечала и даже давала советы. Как раньше. Как всю мою жизнь, пока она была рядом.

Потом почти под утро вскочила из-за стола и начала переворачивать все документы, складывать их в папку. Посмотрела в конвертик в маминой тумбочке – там неприкосновенные деньги на специалиста и обследование в другом городе. Решительно достала их оттуда, пересчитала. Мало, конечно. Но это и все, что у меня есть на сегодня. И если потребуется, я заплачу кому нужно и оформлю эту проклятую приватизацию. Святая наивность. Какая же я дурочка. Я забыла – с кем имею дело и с кем связалась. Точнее, я тогда просто не представляла, кем он стал и на что способен. А нужно было это учитывать, чтобы не было снова так больно разбиваться об острые рифы реальности.

Оставила Машу с Таней и поехала в центр, полная надежды, полная веры хоть в какую-то справедливость... Мне казалось, что, если я расскажу, как мне тяжело, покажу документы о том, что у меня ребёнок инвалид, надо мной сжалятся. Да, я была готова давить на жалость чиновникам. Я верила, что среди них есть просто люди. Я ошиблась. Там, где дело касается денег, людей практически не остается – только ходячие банкоматы. И она разбилась вдребезги, когда мне показали документы о том, что моя квартира приватизирована вчера неким Черняковым, а сегодня продана Шумакову Егору Александровичу. Все документы заверены нотариально. И я усмехнулась – перед глазами, как дежавю, мои документы о разводе. Тоже официальные, с печатями и даже с моей подписью.

– Вам нужно освободить квартиру до завтра до двенадцати часов дня.

И все. И никакие конвертики, никакие взятки не помогут. Я, наверное, побледнела, как полотно, и облокотилась о стенку. Всем было на это плевать. Люди вообще любят не замечать чужие проблемы, все видят только свои. Зачем задумываться, отяжелять собственные мозги, заставлять совесть вылезать из захламленного угла и немного ею пользоваться, если удобно ее запинать куда подальше и жить в свое удовольствие. Моя хата с краю. И презирать тех, кому не повезло, смотреть этим сочувствующе-презрительным взглядом, от которого хотелось забиться в угол и спрятаться, чтоб никогда и никто не видел, как мне больно. Чтоб не смели жалеть.

А потом шла по улице с шарфом в руках и не знала, как я сейчас приду домой. Как выдержу это все. Как расстанусь со всем, что есть в этой квартире? И куда мне идти? Тех денег, что у меня есть, хватит лишь на пол месяца. И все. И потом улица. Даже если я поживу у Тани с тетей Соней, то мне все равно нужно где-то работать и питаться, Машеньку кормить.

Внезапно мне посигналили с дороги, и я инстинктивно отодвинулась в другой край тротуара, не оборачиваясь. Посигналили снова. Я обернулась и, увидев джип, ускорила шаг. Стало не по себе, потому что машина продолжала за мной ехать, а потом резко выехала вперед на тротуар. Я остановилась, прижимая сумочку к груди, а из джипа вышли двое мужчин ростом под два метра в черных классических костюмах и двинулись на меня быстрым шагом. Они молча подхватили меня под руки и затолкали в машину. Я не то что не успела сопротивляться, я даже закричать не успела, у меня от ужаса голос отнялся и ноги занемели.

Они меня грубо затолкали на заднее сиденье и сами сели впереди, а я, тяжело дыша, замерла, даже не оборачиваясь на того, кто сидел рядом. Потому что знала – это ОН. Мне даже смотреть не нужно было. Я его кожей почувствовала, каждой клеточкой своего тела. Запах его узнала. Он не изменился за столько лет. Тот же парфюм, тот же аромат дорогих сигар и его собственный. Тот самый, который невидимым клеймом остался на коже, въелся в волосы и в мозги. Ненавистный запах предателя. Сердце кольнуло такой болью, что я стиснула пальцы, вбиваясь ногтями в ладони и чувствуя, как больно дышать становится рядом с ним. Нет, у боли нет срока давности. Эта сука бессмертна.

– Ну здравствуй, Анна. Не люблю просить дважды. Люблю все получать сразу.

Он вообще не любил просить. Он всегда брал то, что хочет, выдирая с мясом, отрывал с корнями. Не отказывая себе в удовольствии наблюдать, как кто-то прогибается под его желания и интересы. Когда-то меня сводила с ума его самоуверенность, его властность, его могущество и то, что такой мужчина обратил внимание на такую, как я. А сейчас я ненавидела его так сильно, что от этой ненависти ломило все тело.

– Что тебе надо?

Жалкий вопрос, сериально-глупый. Но ничего другого в голову не приходит.

– Тебе передали, что мне было надо, но ты решила меня проигнорировать.

Я так и не смотрела на него. Краешком глаза видела руку с двумя печатками – одну на среднем пальце и другую на большом. Белый манжет с серебристой пуговицей. Вены на запястье, аккуратные ногти и сильные, нервные пальцы.

– Нам не о чем говорить.

– Да ладно. Разве ты не хочешь попросить меня о помощи? Меня заверили, что ты в ней прям-таки нуждаешься.

С каждым его словом в грудной клетке увеличивалась боль, она давила изнутри так сильно, что мне хотелось закричать и впиться в него ногтями. Этот голос... как бы он не звучал сейчас, моя проклятая память реагировала на него. И кончики пальцев начинали дрожать от понимания, что вот она и состоялась – та встреча, которую я представляла себе первые несколько лет. Но он не просит прощения, а я ненавижу его еще более люто, чем тогда. Ненависть, как и любовь, крепнет с годами. Она до невероятного постоянна.

– Я в тебе не нуждаюсь, как и не нуждалась все эти годы.

Усмехнулся, я, скорее, угадала, чем услышала. Я даже увидела ее мысленно, как прячется в его губах и сверкает из-под густых бровей стальной взгляд. Когда-то я смотрелась в его глаза и наслаждалась своим отражением в светло-серой туманной дымке, которая густела и превращалась в обжигающую ртуть, когда он смотрел на меня с голодом. Мне и сейчас хотелось поднять голову и... увидеть вблизи за столько лет.

– Ну что ты, маленькая моя, конечно же нуждаешься.

Издвательский тон, вкрадчивый и обманчиво спокойный голос. «Маленькая моя» ты не имеешь права меня так называть. Не смей никогда больше! Не твоя.

– Это все ты, да? Зачем?

– Если я скажу, что соскучился, ты поверишь?

Почувствовала, как коснулся волос на затылке, а я отпрянула к окну и сжала челюсти до боли. И в эту секунду Егор вдруг сжал пальцами мои волосы и насильно развернул к себе, заставив посмотреть в свое лицо и задохнуться от этой близости. Задохнуться от того, что он несколько не изменился. Только возмужал, и возраст сделал черты его лица еще резче и выразительней.

– На меня смотри, когда я с тобой говорю. Мне в глаза. Я сказал, что соскучился по суке, которая наставила мне рога пять лет назад. И знаешь – это правда. Я всегда был честным с тобой.

– Сочувствую, – пошевелила губами, вспоминая тот раз, когда он смотрел на меня точно так же, как на тварь или мерзкое насекомое.

– Нет, моя девочка, это я тебе сочувствую. Лучше бы я о тебе забыл, правда?

Держит сильно за волосы и гладит скулу согнутым пальцем, а я не могу смотреть на него. У меня адский диссонанс, потому что его образ и то, что он мне говорит... это ведь было не про нас. Ведь когда-то он умел смотреть на меня иначе. Когда-то он ласкал меня этими пальцами и этим голосом.

– Правда. Чего ты хочешь? Ты ведь чего-то хочешь, верно?

Пожал плечами, а сам все так же смотрит – глаза сузились и на скулах желваки дергаются.

– Ты знаешь, вначале просто хотел купить этот комбинат. А потом... потом мне захотелось купить тебя. Почему бы и нет? Почему не я?

– Денег не хватит.

– Хватит, Аня. На такую, как ты, много и не надо, но я готов раскошелиться. Например, купить твой дом. Все здание, и снести на хер. Или не дать тебе устроиться на работу и смотреть, как ты загибаешься.

Он побледнел, пока говорил мне все это, его черты заострились, а серые глаза потемнели на несколько оттенков.

– Не смей. У меня ребенок...

– Я помню, что ты не просто мне ставила рога, а еще и принесла мне свою нагулянную дочь и пыталась уверить, что она от меня. Так значит, придется прийти и попросить. У меня есть деньги... У тебя...

Опустил глаза в вырез моего платья, приподнял одну бровь и усмехнулся криво своими чувственными губами.

– Могло быть и лучше. Я думал шлюшки ухаживают за собой, поддерживают товарный вид. Но, видимо, спрос низок и товар не востребован.

Замахнулась, но он перехватил мою руку и завел ее за спину. От ярости и ненависти начало драть в горле и ломить ребра. Ненавижу подонка!

– Я подожду, Аня. Я умею ждать. Ты приползёшь. Я тебе обещаю. На коленях.

Наклонился через меня, открыл дверь и вытолкнул меня из машины на тротуар.

– Мой номер найдешь, когда решишь, что готова поторговаться. Не забудь завтра выехать вовремя из моей квартиры.

Визжа покрывками, джип рванул с места, а я, тяжело дыша, так и стояла на дороге, не обращая внимания на то, что меня объезжают машины и сигналият мне. Я все еще не верила, что этот разговор был, я все еще не могла понять, о чем он был.

А потом начала задыхаться, хватаясь за горло, согнувшись пополам. Я не верила, что он сказал мне все это. Не верила, что это вообще происходит на самом деле. Сердце как сжалось, когда я его увидела, и больше не разжималось. Болезненно стучало, каждый удар оглушительно сильный.

Не попрошу. Я буду искать работу. Уборщицей пойду, а его ни о чем не попрошу. На три работы устроюсь. Суку пусть свою покупает, на которой женат.

Глава 3

У меня с ней не было нормального знакомства, не было узнавания, не было ничего из того, что принято. Ни дерганий по клубам, ни знакомства через соцсети, она не была знакомой, у которой я перетрахал всех подружек и переключился на нее.

Я ее встретил на остановке. Да, я, тот кто никогда не вылезал из своей спортивной тачки и ласково называл ее «куколка», увидел свое персональное исчадие ада с ангельской внешностью на гребаной автобусной остановке. Стоял на светофоре, кивал в такт басам, постукивая пальцами по рулю, на утро после вечеринки в клубе Карла. Фашист умел устраивать умопомрачительные совершенно оторванные зверские тусовки. Я обводил скучающим взглядом эти трущобы, где жила какая-то девка, с которой я познакомился вчера ночью и каким-то образом оказался на ее съемной квартире в заднице мира. Что я делал с ней ночью, я не помнил, но на утро она решила, что это надолго, и я унес оттуда ноги, оставив несколько столлларовых купюр на оплату съема гнезда.

И увидел ЕЕ. Сидит на скамейке с какой-то книжкой на коленках. На макушке хвост. Волосы выющиеся цвета спелой пшеницы, ветер треплет ее тонкое платье, обнажая стройные ноги в мокалинах и белых носках. Я посмотрел на эти носки, и у меня встал. Мгновенно, без раскачки. А она кончик ручки покусывает, а я завис. Просто выпал из реальности. Ничего более сексуального, чем ее белые носки и пухлая нижняя губа без следа помады, прижатая погрызанным концом пластмассы, никогда в своей жизни не видел. Мне сигналили, а я вздернул средний палец и продолжал стоять, и смотреть на это чудо посреди хаоса.

На дороге из-за нее пробка, а она не от мира сего в книгу свою усталилась. Я никогда читающей девушки не встречал. Музейный экспонат. Автобус подъехал, она встрепенулась, встала со скамейки, а у меня в горле пересохло от вида стройных ног и какой-то невесомости во всем ее образе. Чистоты какой-то. Чего-то порочно-ангельского. Я к другому привык. И умом понимаю, что одета с рыночного лотка, и что мокасины ее дешевка, и носочки эти дурацкие, и рюкзак джинсовый потертый, а меня ведет, прет меня. Словно кто-то подошел ко мне и в грудь загнал ржавый кол. И все. И больше нет никакого пути назад. У кого-то любовь, у кого-то страсть, а у меня все всегда не как у людей – у меня свое проклятие. Не важно – как ее зовут, не важно – где она живет, не важно – кто она и кто с ней. Она для меня сделана.

Когда потом ночью, нагнул на лестнице Ирку и толкался ей в рот вздыбленным членом, собрав ее светлые крашенные волосы в хвост на макушке и удерживая, пока яростно вбиваюсь ей в глотку, представлял эти долбанные белые носочки, кончик ручки и длинные закрученные кверху пушистые ресницы. Кончил с рыком, и пока она сглатывала, вытирая слезы, подошел к раковине, набирая номер одного своего приятеля компьютерного червя, вечно онлайн, вечно на сотовом.

– Сань, привет друг. Да так, охрененно. Отрываемся в Радлене. Мне бы пробить маршрут 12 автобуса. Тут не ловит сеть нормально. Пробей для меня все остановки и пришли. Давай. Отблагодарю.

Посмотрел на кокетливо улыбающуюся Ирочку и хлопнул по заднице, а когда она поднялась, чтоб поцеловать, увернулся и толкнул дверь на танцплощадку. Я тогда был безбашенным. Мне казалось, что я бессмертный, и все вокруг бессмертные. Я только доучился и начинал работать вместе с отцом в его финансовой компании. Я был беспечно счастливым человеком, оторванным, безумным, зеленым и не подозревающим, что в один день можно сдохнуть, но продолжать функционировать и даже делать карьеру. Что живые мертвецы – это не выдумка обдолбанного голливудского режиссера – это реальность. Моя реальность.

Саня скинул мне маршруты смской, и одна из остановок была – Экономический Государственный Университет. Скорее всего, туда ехала.

Я поднялся, как придурок, по будильнику, и уже в восемь пятнадцать стоял напротив остановки с кофе в термостакане, глазами, как у зомби, и сигаретой в зубах. Ждал свои белые носочки. Она пришла минут через пять в джинсах с дырками на коленях, тем же хвостиком и опять в носочках. Фигура, как у фотомодели, ноги длинные, округлая попка и грудь небольшая высокая. Лицо это идеально-кукольное, на него смотришь и не моргаешь. Нарисованная, что ли.

Такие бывают? Настоящие они? Снова учебник какой-то достала, сидит читает, в ушах наушники, ногой в такт двигает. Лямка какой-то тонкой майки с женским лицом на груди сползла с плеча, и у меня опять сушняк от вида ее груди, вздернутой под тонким лифчиком, как после дичайшего перепоя, и стояк, словно не трахался годами. Потом я перся за ее автобусом. И провожал глазами, когда шла к серому зданию универа. Умом понимаю, что это нездоровое что-то, а сам сидел еще какое-то время в машине, потом приехал после обеда и ждал, когда выйдет.

Я таскался за ней около недели. Ночью все те же клубы, тусовки, девочки, днем отцовский офис и взгляд, как у имбецила, потому что не выспался ни хрена. Потому что в проклятые восемь пятнадцать стоял на остановке. И, да, я не подходил к ней. Почему? Не знаю. Она была где-то там в белых носочках, а я здесь в своей компании. И ни черта общего у нас с ней не было. А еще мне казалось, она меня пошлет.

Через неделю я влез в ее автобус и поехал вместе с ней к ее универу. Всю дорогу на нее смотрел уже с близкого расстояния, и у меня дух захватывало, накрыло и не отпускало. Она с кем-то по телефону говорит, и я, как маньяк, прислушиваюсь к каждому ее слову, к каждому вздоху. А она меня не замечает. Даже не знает, кто я. Все в городе знают, а она полный ноль. Не в теме совершенно. Да и куда ей в тему – она по ночам спит, а днем в универ свой ездит и на танцы какие-то.

Нет для нее реального мира. У нее свой какой-то. Там нет грязных клубов, сосущих на лестницах бл**ей, кокаиновых девочек и мальчиков, латентных самоубийц и тому подобной херни. В ее мире белые носочки, майка с Мерлин Монро, мороженое пломбир и дешевые китайские наушники. Она поет вслух, когда думает, что ее никто не слышит, ездит на велосипеде, а летом уезжает в какую-то деревню к какой-то тете и, о боги, ковыряется в огороде. Меня засмеют... и мне насрать. Она же божественна. Но все было потом. После того как она стала моей.

Я с ней выходил на остановках, водиле своему деньги в карман и прыгал в тачку, в офис ехал. На Ирочку больше не стоит, на Леночку тоже. Ни на кого не стоит. Я ее хочу. До боли. До опшизения. Так что яйца поджимаются от одной мысли, что губу ее полную трону кончиками пальцев. Чисто хочу. Нежно. И сердце в груди рвано прыгает из стороны в сторону, когда о ней думаю.

Познакомился с ней, как в кино. Она куда-то ездила, а я у дома ее сидел, ждал под окнами. Психовал. Решил – подойду, и все. И ни хрена, в сиденье машины врос. Не могу, и все. А к ней какой-то урод приставать начал. Я месяц следом хожу, я смотрю на нее и подойти не могу, а какой-то лысый мудака в реперской куртке и кроссах за руку схватил. Меня переклинило. Сам не понял, как сцепился с ним. Бил, как озверевший, а он меня. Только я реально его избивал, а он защищался. Но меня заклинило, и я не мог остановиться, пока она не оттащила.

– Хватит... не надо. Вы его убьете. Не надо. С ума сошли? Это сосед мой. Он урод, конечно, моральный, но я б и сама справилась.

Справилась бы она. Хрупкая, тоненькая, воздушная. Потом на лавке вытирала мне кровь с лица водой из пластиковой бутылки, а я от счастья дрожал. Вблизи еще красивее, кожа молочно-белая, на переносице несколько веснушек, и пахнет от нее клубникой. Не духами какими-то крутыми, а ягодами. Потом оказалось, и правда, клубнику ела. Тетка проездом ехала, и она на вокзале ее встретила, клубнику домой несла. Меня тоже угостила.

– Спасибо. А меня Аня зовут.

И улыбнулась. Я вдруг понял, что до этого момента не жил никогда, вообще не был человеком.

– Егор.

– Хотите клубнику. Свою. Сладкая-пресладкая.

И я жрал с ней на лавке клубнику из банки, слушал, как она смеется, и, бл*дь, какие нахер клубы, какие Ирки. У меня Нютка появилась. Я влюбился. Насмерть.

* * *

Бросил окурок в темноту и залпом отпил из бутылки виски. Свет так и не включил, ходил по кабинету в темноте. Пил, и не брало меня. Я ее лицо за пять лет вблизи впервые увидел и понял, что ни хрена я не вылечился. Что я не просто болен, а гнию заживо, и только сейчас с меня спал весь грим, и я увидел, как кишит червями моя душа.

Пять лет. Я запрещал себе к ней приближаться и вспоминать эту суку ровно пять лет. И все эти пять лет я не хотел знать – ни где она, ни что с ней, ни как она живет. Я убеждал себя, что нет ее, умерла. Я даже похоронил ее мысленно на городском кладбище... наверное, я мог бы ее убить. Если бы не ребенок. Ее ребенок не от меня.

Лживая, подлая тварь змеей влезла в мое сердце, в мою семью и выдрала его своими тонкими пальчиками с розовыми ноготками. Выставила жалким роганосцем, насмехалась за моей спиной. Жила рядом и... бл*****дь, как же не задохнуться... и умилялась тому, как я трогаю ее живот и говорю с чужим, мать ее, ребенком. Натраханым на стороне с ее любовником. Хотя, когда я давил ее тонкую шею, она сипела, что не знает чей. Хотя пару раз осмелилась все же утверждать, что мой. Пока я ее не ткнул лицом в результат анализа. Третий, сука, результат. ТРЕТИЙ! Потому что я поверить не мог... потому что я не хотел умирать. Но все же это была агония.

Когда я увидел ее снова... я вдруг понял, что хочу ее на коленях. Чтоб стояла на полу и умоляла меня простить ее и дать ей денег, дать ей жить, дать ей дышать. Я не вынашивал планы мести, но я носил букеты на ее могилу в своей душе и каждый раз останавливал себя, чтобы не начать ее откапывать. Я не искал ее. Она нашлась сама, как бумерангом возвращающееся проклятье.

Когда списки работников на увольнение получил... фамилию увидел, и все. Меня накрыло. Так люди срываются, когда вдруг дорываются до дозы наркотика. Смертельного. От которого однажды чуть не загнулись. И я захотел ее впрыснуть себе в вену, и пусть все горит синим пламенем.

На коленях ее хочу. Там, на полу у моих ног. Зарёванную. А может, и залитую моей спермой не единожды. Какого хера я должен отказать себе в удовольствии?

Впервые за долгие годы я мастурбировал и представлял ее на четвереньках с поднятым ко мне лицом, залитым слезами. Теперь я мог купить всю ее, город в котором она живет, и каждое заведение, которое имеется в этом гадюшнике.

Я снова за ней следил. Сам себе не верил, что делаю это. Думал, что изменился за все эти годы, думал, время меня изменило и пусть не вылечило, но по крайней мере я больше не зависим от этого смертельного чувства, которое я закопал внутри. Когда ее девичью фамилию увидел, попросил личное дело, едва открыл, и все. И нет пяти лет. И не было никогда. Я только вчера получил нож в спину и только вчера вытолкал ее из дома, а сам ломал пальцы о стены и крушил все вокруг себя. Потрогал шрамы на фалангах и тыльных сторонах ладоней. Затянулись, остались лишь тонкие белые полосы и увеличенные косточки. Тело заживает и регенерирует, а душа не имеет такого свойства, если ее разодрать в клочья, она уже никогда не срастется. Так и будет вся в дырах. Мне моя напоминала решето.

В тот год, когда я расстался с Аней, Шумный, которого знал весь город, сгнил живьем и больше не родился. На свет появился некто Егор Александрович Шумаков. Ему пришлось восстать из пепла и доказать всем, что его стоит уважать и бояться. Я резко остался один – через полгода после развода с Аней погиб отец в автокатастрофе, а мать впала в кому и по сей день лежит почти овощем в спецучреждении. Компания, в которой я был всего лишь вольным слушателем на заседаниях совета директоров, стала только моей, и я ни хрена не соображал в том, как она устроена и как работает. Поналетала куча стервятников, как на падаль. Еще на похоронах начали предлагать деньги. Ставки, как на аукционе, кто больше даст. А я в шоке. Для меня смерть отца была неожиданной, стремительной. Я не был готов остаться один со всей этой машиной, которой он управлял на протяжении всей своей жизни.

Но я бы ее не продал. Сдох бы, но не позволил тронуть. За считанные месяцы я выучил о ней все. Макарыч, помощник отца, ввел меня в курс дела, и уже в следующем году я сам заключал сделки, которые принесли первую прибыль за месяцы простоя. Некоторым особо настырным пришлось показать, что переходить мне дорогу чревато испорченным здоровьем, а иногда даже инвалидностью или банкротством.

Я влился в тот мир, где нет слабости, нет компромиссов, есть стадо и загоняющий его хищник. Есть своя иерархическая лестница и, если не выдрать место под солнцем зубами и когтями, тебя быстро затолкают в нишу «третьего мира», а потом и вовсе «солят» более крупному предприятию. Я не вылезал из офиса и командировок, не давал себе продохнуть. Ночью спал по четыре часа. Ложился под утро, чтоб отрубиться и на хер не думать об этой суке перед тем как уснуть, иначе она мне приснится. А она снилась все равно. Часто. Я бы предпочел никогда, но у моего подсознания были на этот счет свои планы, и оно выдавало мне ее в разных ракурсах. Но всегда неизменно красивую. Нежную. С этим пронзительным взглядом яркосиних глаз. Нютка-незабудка. Незабываемая и неубиваемая тварь. Бессмертная. А какие в них появлялись кристально чистые слезы, и я все... я был согласен для нее на все. Я мог бы для нее убивать, если бы попросила, но она была слишком жалостливой. Или играла роль. Умело, талантливо, гениально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.